

Было так холодно, будто он оказался без одежды на заснеженном поле посреди зимы. Пронизывающий ветер продирал до самых костей. Казалось не только тело, но и душа медленно деревенели. Хотя сюда попало одно сознание, этот всепроникающий холод делал все ощущения более яркими.

Холод порождает одиночество. В окружающей тьме Ван Баолэ сохранял ясность сознания. Чем дольше это продолжалось, тем тоскливее ему становилось.

Нет ни звуков, ни света. Вокруг пустота, а в ней одинокая фигура Ван Баолэ.

День, месяц, год, столетие, тысячелетие... в холоде, в темноте, в одиночестве.

Ван Баолэ не знал, сколько времени прошло. Быть может, в этом месте вообще отсутствовала концепция времени. Он не мог ничего изменить, не мог ни на что повлиять. Ему оставалось только ждать. Незаметно мыслительная деятельность в голове Ван Баолэ стала сходить на нет. Всё его естество впало в некую летаргию, словно погружаясь в глубокий сон. Пока из тьмы не пришла могучая сила. В следующий миг она закрутилась вокруг Ван Баолэ в водоворот, а потом вырвала его сознание из прошлого.

После резкого пробуждения его разум дрогнул. Разлепив глаза, он увидел клубящийся вокруг туман, стоящих вокруг клонов и парящую голову Чэнь Ханя в окружении путеводного света. Он вернулся... в место испытаний планеты Фатум.

В глазах Ван Баолэ разгорелся странный огонёк. Пока он прокручивал в голове произошедшее, его брови медленно сходились к переносице. Шестая жизнь оказалась весьма странной. Со всех сторон его окружала тьма, сам он не мог двигаться, однако его сознание оставалось кристально ясным. Это могло означать только одно... он не попал в шестую жизнь.

"Может... у меня не было шестой жизни?" — с сомнением подумал Ван Баолэ.

Сложно сказать, почему это вообще произошло. Насколько он понимал, это было невозможно, а значит, существовало какое-то другое объяснение.

"Или силы путеводного света недостаточно?"

Ван Баолэ критически осмотрел себя. Его путеводный свет был довольно ярким. В несколько раз ярче, чем у Чэнь Ханя. Вряд ли причина была именно в нём.

"Возможно, чем дальше я захожу, тем выше сложность. Неужто мой предел... это шесть жизней?"

Ван Баолэ прищурился. Он отказывался в это верить. К сожалению, в данный момент у него было слишком мало информации. Быстро успокоившись, он с таинственным блеском в глазах посмотрел на Чэнь Ханя.

Почему-то ему вспомнился Тёмный сон — божественная способность Тёмной секты. Она могла затянуть другого человека в неотличимый от реальности сон. Пожелай он это сделать прямо здесь и сейчас, с текущей культивации ему будет непросто выстроить мир сновидений, ибо это требовало прекрасного понимания естественных законов. Но что, если не строить собственный мир сна, а попробовать заглянуть в чужой. Не для того, чтобы контролировать его или мешать, а просто взглянуть на него собственными глазами.

С текущей культивацией Ван Баолэ и магическим законом дао планеты вполне реально погрузиться в такой сон. С этим способом у Ван Баолэ него могло что-то да выйти. У него уже руки чесались попробовать, к тому же в случае Чэнь Ханя не требовалось особой подготовки... ибо он носил его метку.

Рассматривая Чэнь Ханя, им всё сильнее завладевала новая идея. Наконец он выполнил магические пассы обеими руками. В теле вспыхнуло тёмное пламя, а потом окутал его. Наконец повинуясь движению пальцев призрачное пламя тонкой нитью проникло в Чэнь Ханя. В следующий миг парящую голову оплело тёмное пламя.

— Спи... — тихо проговорил Ван Баолэ.

В этот же миг тело начало подстраиваться под происходящее. Если быть точным, то это происходило скорее на телесном, а на духовном уровне. Не полное изменение, а что-то вроде имитации, запечатления. Правда не естественного закона... а души Чэнь Ханя!

Это напоминало облачение себя в духовную одежду, схожей по частоте с Чэнь Ханем. Таким образом он в каком-то смысле уподобится ему, дабы установить связь и резонанс.

Впервые он одновременно применил силу дао планеты и тёмные искусства. Поначалу у него ничего не получалось, но где-то к седьмой попытке Ван Баолэ наконец скорректировал магию. Его голову сотряс рокот.

И тут туманный мир перед его глазами превратился... в зеленую равнину и ползущего по ней Чэнь Ханя.

— Спаривание! Спаривание! Спаривание! — раз за разом глухо повторял он.

Всё это показалось Ван Баолэ странным. Из-за того, что он наблюдал за всем из глаз Чэнь Ханя, он не видел его обличья. Он лишь видел зеленую равнину и мог примерно оценить скорость Чэнь Ханя... От полученных выводов он почувствовал, как подступает головная боль.

"В каком обличье Чэнь Хань провел эту жизнь? Чего он так медленно ползет и почему кричит про спаривание?.."

Удивление Ван Баолэ продлилось недолго. Внезапно началось землетрясение, но почему-то равнина стала изгибаться, словно морская волна. В следующий миг засвистел ветер... земля вздыбилась, словно строптивый конь. Завизжавшего Чэнь Ханя сдул этот порыв ветра.

В полете Чэнь Хань был слишком напуган, чтобы обратить внимание на мир вокруг, но Ван Баолэ отчетливо увидел... что равнина на деле оказалась огромным зеленым листом.

Лист был шириной в тридцать метров, а дерево, на котором он рос, выглядело поистине гигантским. Он не смог разглядеть его верхушку, настолько оно было высоким.

Небо находилось слишком высоко, чтобы его можно было увидеть. Да и свет был буквально слепил глаза. Вокруг росло немало зеленых растений весьма немаленьких размеров. Что интересно, они росли не из земли, а из пустоты. Словно в звездном небе непонятно как вырос целый лес.

Ван Баолэ наконец удалось разглядеть отражение Чэнь Ханя в капле росы. Он увидел... гусеницу! Будь она яркого цвета, то хотя бы была ядовитой, но тельце Чэнь Ханя имело бледный зелено-желтый окрас, что совершенно не внушало страха.

"Прошлая жизнь Чэнь Ханя странная..." — не без удивления подумал Ван Баолэ.

Вспомнив о своих прошлых жизнях, он мог только посочувствовать ему. Быть может, его сочувствие стало чем-то вроде благословения, ибо Чэнь Хань упал не в пустоту, а на другой лист. Вскоре он вновь начал карабкаться вверх и кричать...

Ван Баолэ долгое время за ним наблюдал. Хоть ему и было смертельно скучно, он не хотел уходить, продолжая терпеливо ждать. Он стал свидетелем превращения наконец наевшейся гусеницы в куколку.

Это разожгло в сердце Ван Баолэ пламя интереса. И снова он принялся наблюдать. Когда его терпение почти подошло к концу, кокон открылся. Оттуда выбралась красивая бабочка и запорхала крыльями.

Вместе с Чэнь Ханем в воздух поднялось десятки миллионов бабочек. Их было настолько много, что они, казалось, окрасили мир во все цвета радуги. От этого зрелища захватывало дух.

Бабочки были всех возможных расцветок, к тому же их окутывало бледно-голубое свечение. Влетев в стаю бабочек, Чэнь Хань восторженно закричал:

— Спаривание! Спаривание! Спаривание!

Чэнь Хань в обличье бабочки летал между листьями и вопил что есть мочи. Ван Баолэ начало подташнивать, однако он продолжал изучать окружающий мир глазами Чэнь Ханя. Как вдруг... откуда-то сверху послышался до боли знакомый голос.

— Папа, посмотри, какие красивые бабочки.

<http://tl.rulate.ru/book/15485/1649421>